

Гусева Татьяна Константиновна

"ДНЕВНИК САТАНЫ" Л. АНДРЕЕВА КАК СРАЩЕНИЕ ИНТИМНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДНЕВНИКОВ

В статье анализируется автобиографическая компонента в составе литературно-философского комплекса Леонида Андреева на примере сопоставления романа "Дневник Сатаны" и позднего "Дневника" писателя на фоне постнищеванской экзистенциальной культурно-исторической ситуации начала XX в. - утраты ориентиров морали, божественной перспективы. Автор статьи демонстрирует наличие взаимосвязи "писатель - герой" как фактического соотношения двойников, а также показывает, что роман отражает рефлексию Андреева по поводу вечных "проклятых" вопросов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19): в 2-х ч. Ч. II. С. 49-55. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Таким образом, мы можем наблюдать диалектику бюрократии и адхократии. Первая – служит источником проблемных и кризисных ситуаций, вторая – средством их разрешения. Т.к. современное общество пребывает в состоянии государственного формального бытия, то оно вынуждено поддерживать данный способ социальной реальности. Современным механизмом, поддерживающим классическую государственную общественную конструкцию, выступает пассионарная адхократия, которая способна адекватно реагировать на быстрые изменения современного общества и мира в целом.

Список литературы

1. **Бюрократия** [Электронный ресурс] // Кругосвет: энциклопедия. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/BYUROKRATIYA.html (дата обращения: 26.01.2012).
2. **Василенко И. А.** Информационная революция и политическая картина мира XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rags.ru/akadem/all/28-2004/28-2004-50.html> (дата обращения: 26.01.2012).
3. **Василенко И. А.** Политическая философия. М.: Гардарики, 2004. 240 с.
4. **Вебер М.** Политические работы, 1895—1919 / *Gesammelte Politische Schriften*, 1895—1919 / пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2003. 424 с.
5. **Кастельс М.** Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1990. С. 496-505.
6. **Кутырев В. А.** Философский образ нашего времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/kutyrev/timeimage.html> (дата обращения: 20.10.2011).
7. **Макаренко В. П.** Аналитическая политическая психология. М.: Праксис, 2002. 416 с.
8. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 312 с.
9. **Тоффлер Э.** Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2002. 669 с.
10. **Фролов С.** Социология организаций: учебник. М.: Гардарики, 2001. 384 с.
11. **Bennis G. W.** *Changing Organizations*. N. Y.: McGraw-Hill, 1966.

DIALECTICS OF PASSIONARY ADHOCRACY AND BUREAUCRACY

Ol'ga Yur'evna Gerasimova, Ph. D. in Philosophy

*Department of Philosophy, Social-Economic and Classical Disciplines
Magnitogorsk State Conservatory (Academy) named after M. I. Glinka
elitclub_aion@mail.ru*

The author considers the new prospects of power interactions in society - passionary adhocracy, shows that this form of power was brought to life by changes in social structure as the network morphology of social existence, substantiates that passionary adhocracy does not exist of itself, but with the previous form of power – bureaucracy, and comes to the conclusion that passionary adhocracy and bureaucracy are dialectically related and interacting structural and functional units of new social reality of power that allows viewing each individual's role in the context of social reality in a different way.

Key words and phrases: power; social structure; network organization; dialectics; passionarity; adhocracy; bureaucracy.

УДК 821.161:1

В статье анализируется автобиографическая компонента в составе литературно-философского комплекса Леонида Андреева на примере сопоставления романа «Дневник Сатаны» и позднего «Дневника» писателя на фоне постнищенской экзистенциальной культурно-исторической ситуации начала XX в. – утраты ориентиров морали, божественной перспективы. Автор статьи демонстрирует наличие взаимосвязи «писатель – герой» как фактического соотношения двойников, а также показывает, что роман отражает рефлексию Андреева по поводу вечных «проклятых» вопросов.

Ключевые слова и фразы: Леонид Андреев; «Дневник Сатаны»; экзистенциализм; абсурд; двойник; вочеловечивание; Сатана; дневник.

Татьяна Константиновна Гусева, к. филол. н., доцент

Кафедра иностранных языков

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова

Tatianaguseva@yahoo.com

**«ДНЕВНИК САТАНЫ» Л. АНДРЕЕВА КАК СРАЩЕНИЕ
ИНТИМНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДНЕВНИКОВ®**

Финальный незаконченный роман «Дневник Сатаны» (1919) – эпатаж, экзистенциально ориентированный гротеск, в котором писатель, формально дистанцировавшись, взирает на мир глазами своего посланца Сатаны, подытоживает художественные поиски, философскую рефлексию Л. Андреева, синтезирует его

важнейшие мигрирующие темы: роковая предопределенность судьбы человека (хрупкой куклы театра марионеток, чья «фарфоровая головка поворачивается», повинувшись дергающей за нитку «руке» [3, с. 193]), раздвоенность его сознания, относительность поту-/посюстороннего, правды – лжи, наличие *стен*, имманентной внутренней бездны в человеке, парадоксальность, абсурдность мира, недолговечность любви.

Л. Андреев вновь осмысляет, на этот раз посредством Сатаны, имманентный страх Человека, осознавшего, что он не вечен. Переплетение условно автобиографического, *автопсихологического* и собственно художественного становится особенно наглядным при сопоставлении текста с записями дневника Л. Андреева. Так, 25 апреля 1918 г. он отмечает, что одной из «самых мучительных пыток на свете» является «ежечасное ожидание смерти и страх ее, томительный и непрерывный, стоящий вне воли и сознания» [10, с. 51]. Его захлестнул постоянно ощущаемый «гнет хаоса, то есть сознание того, что вот сейчас, сию минуту, все может исчезнуть, превратиться в некий непреодолимый вихрь» [1, с. 202]; преследовало ежечасно «ощущение бездны». Это чувство не может быть объяснено исключительно «физиологическими причинами – большим сердцем, которое с молодости ежесекундно напоминало ему о том, что оно непрочное, что в любое мгновение оно может остановиться» [Там же, с. 279]. Андреев, подобно Сатане, шел по краю пропасти, чувствуя провал.

Постоянный страх смерти, присутствующий в сознании всего *постижшеанского* поколения, философско-художественном сознании XX века, находил выход в нескончаемой рефлексии: бросить ли вызов Року в заранее предначертанном сценарии «жизни Человека», «уйти ли самому, когда захочешь, или покорно, не сопротивляясь, принять тяжелую руку палача», ждать, когда Смерть «щелкнет выключателем» [3, с. 221]. Мотив увековечивания себя в своем творчестве как спасение от небытия, например, становится ведущим в поэтике Унамуно; ужаса опасности погружения во «тьму безначалия» [10, с. 51] – у Л. Андреева. У «стены Беспамятства» оказывается и Сатана, «идя» от обратного, от человека, – ибо нет развития, но есть лишь движение по кругу. Слово «беспамятство» звучит своеобразным лейтмотивом шесть раз на протяжении всего романа. Как Человек осмеливается на тотальное абсолютное проклятие, так и Сатана, типичный *постижшеанец*, допускает возможность вызова, ощущения хоть на мгновение бессмертия, изъятия своего духа «из оборота», из «круга железного предназначения» («придя из ночи, он возвратится к ночи и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем» [5, с. 146]) – и тогда свет от свечи его засияет, но в неведомом месте, ибо Мрак тотален.

В XIX и в XX веках, в ситуации глобальной поступательной дехристианизации, в мировой литературе отчетливо проявляется тенденция постижения психологической мотивации евангельских персонажей. Мир бунта, игра героя-романтика своей жизнью с запредельным хаосом являют собой переходную ступень к иррациональному *обезбоженному* миру абсурда – в новом непостижимом мире происходит переакцентуация образа *первобунтовщика*. Дьявол, трансформировавшись из отрицательного библейского символа в образ, предельно приближенный к человеку, дается в близком ракурсе, усложняется и, в рамках абсурдного мира, интерпретируется психологически как личность абсурда. После провозглашения Ницше смерти богов центр притяжения очага мирового зла, ранее ориентированный на Сатану, сдвигается; функции мирового зла переходят к Судьбе и Року. В душе человека XX века, ставшего игрушкой иррациональной стихии, смещаются абсолютные некогда ценностные категории, утрачивается гармония равновесия, водворяется Хаос. Беснуется *сумасшедший Март* – антропоморфизированный Л. Андреевым символ разгула хаотичной стихии. И достаточно лишь взглянуть на кардинала Х. (ибо страх смерти отражался на нем с бессознательной силой), чтобы «всеподданнейше поклониться Великому Иррациональному» [3, с. 179].

Л. Андреев практически повторит слова Ш. Бодлера: «Я не шучу, когда говорю о Дьяволе, живущем в людях...» [4, с. 663] и воплотит их в своем Сатане. В романе Л. Андреева преобладает оригинальная логика – не религиозная, но укорененная в мировой традиции культурно-историческая, психологическая. Писатель видит в Сатане, прежде всего, ипостась человеческую, уравнивая Богоборца и Человека, сближая их, выстраивая отношения не по вертикали, а по горизонтали, делая человека не только равным дьяволу, но и более сильным. Сатана Л. Андреева – фактически дьяволочеловек-романтик с сильным экзистенциальным вектором, тонко и глубоко почувствовавший красоту и хрупкость мира. Его мир движим любовью, в его подсознании заложена *память* о любви, также дуальной: единственная возможность «бросить быстрый взгляд в самое Вечность» [3, с. 190] проклята «проклятием однообразия».

«Дневник Сатаны» отражает восприятие Л. Андреевым концепции сверхчеловека Ницше, ставшей основой и ориентиром художественно-философского творчества целого поколения. Образ Магнуса имплицитно проецируется на некоего высшего типа, гиперборейца – он обособляется с безгловым пренебрежением от тех, кого *антихристианин* (1895) Ницше назвал «лишь человечеством», ибо «надо стать выше человечества силой, высотой души – презрением...» [11, с. 632]. Он жаждет «молнии и дел», оставаясь вдали от «счастья немощных, от “смирения”», проповедует то, что повышает в человеке «чувство власти, волю к власти, самую власть», поет радость «преодолеваемого противодействия» [Там же].

Герои Л. Андреева сознательно отвергают нравственные ориентиры, определяемые абсолютным первоначалом, ибо бога, высшего судьи, для них уже нет, критерий истинности морального стал относителен, нравственное превратилось в *предрассудок*, вызывающий искреннее презрение; все стало позволено. Поэтому Магнус и его предшественник Керженцев («Мысль», 1902) не мучаются, преодолевая внутреннее нравственное сопротивление, отвращение от насилия, в отличие, например, от Раскольникова. Однако, совершив убийство, Керженцев уничтожает тем самым и всю прокламируемую относительность добра и зла. И утрата своей исключительной реальности, мысли – выявление в себе непостижимого им самим и, как следствие, сумасшествие – это имплицитная

авторская точка зрения, несводимость человеческого к рациональному, расплата героя за нарушение нравственного порядка. Приговор, авторская оценка Магнусу также вытекает из объективного смысла романа. Причина крушения – в самом человеке. Для Л. Андреева гипотетическая возможность, перспектива возрождения утеряна. В отсутствие абсолютного начала как во внешнем, так и в себе уделом его личности становится тотальное одиночество. Бог похоронен. Времени нет – все смешалось, бессмысленно: «Брось метр и весы и слушай так, как будто за твоей спиной не тикают часы, а в твоей груди не отвечает им счетчик» [3, с. 192].

Л. Андреев скорбел, что «нижечеловек» плодится с каждым днем, и, вслед за Ницше, культивировал волю, силу и мощь, энергию, гений (в искусстве) – дух «всех свободных умов, смеющийся бури», дикий и свободный, добрый и неукротимый, который «дает крылья ослам», приходит, как ветер, от которого «моря дрожат и прыгают», как ураган, «для всякого “сегодня” и для всякой толпы»; он ненавидит «чахлых псов из толпы и всякое неудачное мрачное отродье» [12, с. 362]. Л. Андреев видел перед собой людей-зверей, слабых и безвольных, не знающих «границы собственного я (а точнее, по ницшевской терминологии, своего “сам”»)) [6, с. 425]; вырождение нравственности, низводимой на уровень лицемерия. И если сам Сатана – «отвратительная помесь Сатаны с американским медведем», то Магнус – самый отвратительный из кроликов, «помесь кролика и... Сатаны». Его Магнус – персонализация гипертрофированного абсурдного прожекта трусливого кролика-дьявола, возмнившего себя воплощением идеи сверхчеловека Ницше. Однако, рассуждая о реалиях Совета и видя в них не что иное, как «гримасы Сатаны», автор записывает в своем дневнике 29 августа 1918 г.: «...перед этой пышной действительностью всякий вымысел нищенски бледен» [10, с. 141].

Несобственно-прямой речью Л. Андреев вводит свою оценку Магнуса. Это гений с «сатанинским умом, знавшим в мире только себя и *свою волю*» (*курсив автора – Т. Г.*), презирующий человечество, пренебрегающий идеей как божественного, так и сатанинского, Бог, который «даже с Олимпом не пожелает разделить своей власти» [3, с. 249]. Не случайно Сатаной, сразу почувствовавшим в Магнусе упрямство и волю, овладевает нелепая робость, будто его собственная сатанинская воля «сгибается» под тяжестью неведомого груза. Ибо и воля, и честолюбие Магнуса – более сатанинские, нежели у самого Сатаны.

Антихрист не приемлет «испорченности» современного человека, понимаемой как *décadence*, упадок, недостаток «инстинкта роста, устойчивости, накопления сил, власти», и «все, что происходит из слабости» («слабые и неудачники должны погибнуть»). Планам Магнуса также совершенно чуждо христианское сострадание, они исходят из анти-сострадания; он неумолим, хотя и задается экзистенциальным вопросом (а вслед за ним и Сатана) о пределах, «границе человеческого» [Там же, с. 225], ибо «человеческое безумие» заразительно.

Собственно говоря, взгляды Л. Андреева, Сатаны и Магнуса на Человеческую Личность, «самое богатое и самое лучшее на земле» [10, с. 244], имеют точки соприкосновения. С той только разницей, что если Сатана и Л. Андреев (см. «Дневник») мучаются «человекоподобным» «червячком», то Магнус его ненавидит.

Точка зрения обоих главных героев – и Магнуса, и Сатаны – на человечество коррелирует с позицией самого автора (ибо человечество в изображении Л. Андреева также дуально; раздваивание и тенденция к развоплощению как характерная особенность свойственны в целом его образам), и каждый из героев сосредотачивается по преимуществу на одной из ее ипостасей: Магнус видит человека, проливающего кровь и лгущего, он научился «ненавидеть и презирать человека», Сатана – загнанного в тюрьму собственного тела, не способного увидеть, понять и выразить сущностное, страдающего в роковой предопределенности жизненного пути и обреченности на смерть. Восприятие смерти как сбрасывания цепей равно является логичным заключением для полярных точек позиции. Это парадоксальное совпадение структуры *причинно-следственного комплекса* человека автора и его героев-антагонистов обусловлено тем фактом, что концепция самого автора многопланова. Каждый из его героев и является отражающим полотном одной из сторон неоднозначной авторской системы взглядов.

Для Магнуса человек – в массе своей «существо отвратительное» [3, с. 248]. Это «человекоподобное» [Там же, с. 249], подавляющее и подчиняющее себе даже гения, «двуногое», желающее «залезть в историю» [Там же, с. 284]. И все, что делает человек, хорошо в начале, «прекрасно в наброске – отвратительно в картине» [Там же, с. 248], вырождается на корню – «начинает гений, а продолжает и кончает идиот и животное»: нагорная проповедь получает реальное воплощение в кострах и обезьяноподобном кардинале Х., массы «всякую литургию кончают бесстыдством». Здесь мизантроп Магнус в достаточной степени говорит словами самого Л. Андреева, о чем свидетельствует его публицистика, а также сопоставление с записями позднего «Дневника» писателя, выражает позицию отчуждения зрелого Л. Андреева, его взгляд на человеческую экзистенцию, неоднократно выражаемый им в своих произведениях. Так, Л. Андреев отрицает «современное двуногое существо без перьев, которое овладело только внешними формами культуры, а по существу в значительной доле своих инстинктов и побуждений осталось животным» [6, с. 424]. Проблема имманентно присуща человеку, коренится в самом существе человека, «животного, в массе своей злого и ограниченного, склонного к безумию, легко заражаемого всеми болезнями и самую широкую дорогу кончающего неизбежным тупиком» [3, с. 249]. Андреев видит ситуацию человеческой экзистенции как априори тупиковую. Он чувствует свою собственную потерянность в дни «господства четвероногих и низких лбов» [10, с. 33], «массы равноправно блеющих и мычащих» [Там же, с. 35]. Это «обглоданное» человечество. Полотно подобно всемирному размаху «Стены», с той разницей, что взгляд в «Стене» направлен изнутри, а в «Дневнике Сатаны» – извне: «...пойдет на штурм!.. И кто знает... да, кто знает... а вдруг он этой массой действительно сломает стену?» [3, с. 265]. Вариант позитивного решения проблемы сноса стены, поставленной уже в одноименном рассказе, видится лишь как гипотетическое развитие авантюрных античеловеческих планов.

Причины метаний эсхатологического толка Л. Андреева как внешние – нарастающее «безумие мира» [10, с. 284], так и внутренние – его остракизм. Роман изобилует образами пространственно-временной безграничности, неопределенности (пространство, бесконечность, звезда, пустота, вечность, мрак, безмолвие, слепота, туман, пропасть – как географическая и духовно-психологическая категории) и конечности, ограниченности (стена, закон). Андреев – «изгнанник трижды». Потерян малый дом – дача в Финляндии; а также большой дом – Россия; и третий, духовный, уровень, «самый просторный дом», «куда уходила душа», ушел «вместе с гибнущей Россией» [Там же, с. 323]. В окружающем, в действительной жизни, в русской истории Л. Андреев видит «типичную картину сумасшедшего дома, колоссального сборища умалишенных» [Там же, с. 79], ибо вся Россия – великий и страшный сумасшедший дом. И поэтому единственный возможный ракурс – изнутри, сквозь решетку сумасшедшего дома, где живой ум парализуется и появляется новый вид «умоподобного» [Там же], «человекоподобного» [Там же, с. 80]. Сравним – и в романе кардинал Х. «человекоподобен» и «умоподобен».

Магнус отчасти отражает метания автора, его «жизнь в тумане» [Там же, с. 125]. И ему претит засилье чужеродного элемента, «чужой породы» [3, с. 264]. Он не может и не желает допустить, чтобы человек-толпа (ибо их стало так много, что даже смерть не успевает), «всякая двуногая мразь также называлась человеком». Сравним – Л. Андреев о своем настоящем «отвращении к жизни»: «Все, в чем есть малейший намек на глупость или уродство, вызывает отвращение, чувство порою физической тошноты» [10, с. 187-188]; «я дошел до отчаяния, до последней мрачности» [Там же, с. 197].

Однако категории Счастья и Гармонии неотделимо связаны в сознании писателя с образом России, и, чтобы чувствовать себя счастливым, он не должен «забыть о том, как живут в России» [Там же, с. 145]: «Отчего *нельзя оставить* (курсив автора – Т. Г.) и эту мать, что зовется родиной, раз стала она шлюхой и тварью продажной?» [Там же, с. 107]. Андреев всю жизнь «носил Россию в себе, как верующий носит бога» [1, с. 202], но после свершения революции у него появилось новое, всепоглощающее чувство – «болезнь России» [Там же, с. 98], а все личное – отошло на второй план: то внутреннее «я», которое в его жизни играло первенствующую роль, вдруг оказалось «забытым, уничтоженным, бесполезным» [Там же, с. 99]. Образ России в сознании Л. Андреева не равен образу русского человека: «Мне жаль Россию, но не жаль русских» [10, с. 106], – отмечает он в своем «Дневнике»; хотя восприятие России Л. Андреевым близко восприятию русского народа, который он также не в силах отвергнуть: «Он несчастен, побит, унижен, и я не могу от него отказаться. Это глупо – и непреодолимо» [Там же, с. 107]. Сравним – ощущение «тоски и бездомья» Сатаны.

Кровавый нигилистский план Фомы – бунт, ниспровергающий базовые законы бытия и алчущий «пустить смерть в загородку» [3, с. 264]. Разговор Сатаны с Магнусом о целях последнего, напугавших даже исчадие ада, – сотворить и взорвать новый динамит, имеющий «волю, сознание и глаза», зарядить новый «снаряд», нового Человека – является субстанциональным осмыслением Человека и Бога самим Леонидом Андреевым. Это потенциально ориентированное на опытное доказательство рассматривание Магнусом динамита в психологическом ракурсе. И если научные знания в мире разделены и обособлены, человек не умеет ими пользоваться комплексно, «рука с полными десятью пальцами» – редкость, то рука самого Магнуса – «ровно десять тонких, злых, умных мошенников» – характеризует интеллектуала-экспериментатора, еще одного типа в галерее, куда уже вошли Керженцев, Фивейский, Иуда.

Магнус – не философ-созерцатель, но экспериментатор, борец, «воин на поле жизни» [Там же, с. 207] – также задумал осуществить необходимый «опыт», взрыв. Образ Магнуса с его невнятными и абсурдными целями можно трактовать как персонификацию «нового героя» [4, с. 663] русской революции, Дьявола, большевика и лично вождя пролетариата, если мы учтем комментарии, сделанные Андреевым по этому вопросу в его «Дневнике» и в последних статьях. Так, Ленин – «сверхмерзавец» [10, с. 147], «Иуда, у которого нет совести» [Там же, с. 56], «мясник» [Там же, с. 54]; подобно Магнусу, он «относится к человеку с величайшим презрением и видит в нем только материал» [Там же, с. 36]; «слово человек было выкинуто из большевистского словаря» [4, с. 662]. Человеческая личность – самое ценное на земле, а «марксизм убил личность вконец» [10, с. 243], – подытоживает Л. Андреев: «Даже в аду есть какой-то закон, иерархии, порядок. И если я буду когда-нибудь писать истинный ад, то откажусь от благодушных предрассудков и за образец возьму Ленинское царство» [Там же, с. 61-62]. Революция в России – это «Хаос и Тьма» [9, с. 650], разгул Бунта. Подобно войне, это «малоудовлетворительный способ» разрешения споров, и подтолкнуть к ней может лишь «низкое состояние Двуного» [10, с. 37].

«Катастрофа» [Там же, с. 33] разделила мир Л. Андреева на «до-катастрофический» и мир «революционно-го разложения» [Там же, с. 36] – в изобилии «толпы» и при «отсутствии личностей», индивидуальностей с их сознанием и волей [Там же, с. 299]. Мир Сатаны также делится «на вчера и сегодня» – это раздел времени, переход границы; а люди в понимании его и Магнуса – марионетки. Царящее повсеместно, растущее, «вечное и безнадежное» [Там же, с. 178, 181] безумие мира, на которое неоднократно указывал Л. Андреев, постепенно выкристаллизовывает в сознании писателя «образ единого мирового дурака, фигуру почти апокалипсическую» [Там же, с. 166]. Представляется уместным сопоставить «дурака» с собирательным, персонифицированным двух-, а затем шестиглавым образом «сотрудников» Магнуса, символических агентов без лица.

Свой собственный мир видится Андрееву не иначе чем «фантазмагория». Личное «предельное» [Там же, с. 151] состояние, ощущение «петли» [Там же, с. 117], мрачное и душное, отчужденность и одиночество автора, «полное и всемерное» [Там же, с. 151], постоянное «чувство пролетающих секунд» [Там же, с. 155] во многом предопределили апокалипсический характер «Дневника Сатаны». Не случайно работа шла нелегко, с перерывами и возвращениями. Слишком много «своего» переносил и воплощал в романе Л. Андреев.

Среди записей «Дневника» Л. Андреева (9 апреля 1919 г.) встречаем такую: «...сосредоточенно прочел весь «Дневник», немного позабытый, и открыл в нем достоинства и интерес, которых не замечал раньше. Под этим зарядом сел продолжать, вернее, кончать, и будто пошло хорошо, а вот теперь – снова что-то отталкивает от вещи. Не могу...». «Злая и мрачная вещь» – так характеризует Л. Андреев своего «Сатану» [Там же, с. 146]. Форма дневника и выбрана с целью «широко и ново поставить старый вопрос о маленьком, злом и несчастном человеке и его жизни. Как “Сатана”, я могу сплавить и всю мою теперешнюю злость и мрачность» [Там же, с. 143].

Сатане сразу понравилось быть Человеком, переживать «чуждую поэму» вочеловечивания. И человеческое, по сути авторское, оказалось ему весьма близко. Л. Андреев исследует посредством Сатаны экзистенциальные проблемы, давно и всецело занимающие его ум и уже нашедшие выражение во многих его произведениях («Мои записки», «Правила добра», «Судьба Человека» и др.), устанавливает «соотношения между личностью, мною, – и Россией, человечеством» [Там же, с. 233]. Путь познания человечества Сатаны – одновременно и путь самопознания и философской самоидентификации самого Л. Андреева. Писатель практически вживается в роль Сатаны; и в этом случае представляется возможным говорить об автобиографическом подтексте психологического типа, о спаянности автора со своим Сатаной, психологическом самовыражении в образе, относительной его автобиографичности. Сатана становится своеобразным двойником Л. Андреева. Это дневник Сатаны, но в достаточной мере это и оригинальный в своем художественном воплощении личный дневник самого Л. Андреева. Очень уж созвучны мысли, чувства, система философских взглядов автора, выраженные в его собственном «Дневнике» и дневнике его героя, и прежде всего это абсолютное одиночество и сама концепция человека, его души, жизни, обостренное переживание недолговечности существования человека на земле, его подвластности Року.

Сам Л. Андреев [Там же, с. 25-26] ощущает приступы черной бездны небытия (*нулевое* состояние безмолвствующей, точно мертвой, души, «страшное молчание внутри» [Там же, с. 26]) и наличие в самом себе *мертвеца* или, еще хуже, «заживо погребенного в темнице и тесноте гроба», смутно вызывающего к кому-то смутному. В дневнике (24 июня 1919 г.) Л. Андреев записал: «...все подполье души, ее подвалы, подземелья и темные углы полны трупов, крови, слез, образов людей глупых и подлых, мира грязного и ничтожного. Голос человека минутами вызывает у меня ужас и всегда – тяжелую тревогу, которую с трудом подавляешь. Все кажется, что это кричат, говорят, идут, сидят и поют – убийцы. Картины цветущего луга, которые я *накладываю* сверху, вдруг прорываются, тают, становятся кисейно прозрачными, и в прорывах их – морды убийц и идиотов – лицо мертвеца под цветистой кисеей» [Там же, с. 185]. Это воплощение извечной двойственности Л. Андреева («я снаружи, он внутри меня, холодный, тяжелый, немой» [Там же, с. 26]), его ощущения «живой могилы» [Там же, с. 205], состояния «междужизния» [Там же, с. 201], прохождения очередного «*круга ада*» [Там же, с. 255]. Он сам, как и любой другой человек, практически «вместил в себя Бога и Сатану», страшно томящихся в этом «тесном и смрадном помещении» [3, с. 220]. Герой Л. Андреева суть сращивание человека и зверя, бога и дьявола, мадонны и проститутки. Тема *дьявола-человека* – субстанциальная для Л. Андреева; уже в юности будущий писатель, фантазируя бесконечно, два или три года «провел в мучительных поисках “Демона”» [2, с. 632]. Дьявол в определенном смысле жил и в самом Л. Андрееве: «Я поймал Дьявола, проглотив его, – но он жив – и во мне... И уже точно не одного Дьявола проглотил я, а тысячу Дьяволов со всем их дьяволовым отродьем; день и ночь жрут они внутренности, копаются, роют, сделали себе постоянное жилище со всеми удобствами», – отмечает писатель в своем дневнике [10, с. 52].

Л. Андреев чувствует в современной действительности воплощение «дантовского ада» [4, с. 656], наподобие его героя Сатаны, получившего свой «небольшой дантевский ад» [3, с. 199], видит Дьявола, «гримасы Сатаны» [10, с. 141], его «глумливую улыбку» [4, с. 664], переходящую в громкий и зловещий смех – над Разумом и самой совестью: «Я не шучу, когда говорю о Дьяволе, живущем в людях, об этом великом мастере лжи и обмана, знаменитом комедианте, устроителе беспримерных исторических маскарадов, где его любимой маскою является костюм святого» [Там же, с. 663].

Автор, который неоднократно обращался к дневнику с целью литературной мистификации, по сути, отрицал дневник. Среди записей Л. Андреева собственно о дневнике встречаем такие: «Повседневность – так было бы правильнее назвать этот дневник, в котором так мало дневника. Больших чувств и длинных мыслей избегаю. О многом не решаюсь написать... Да и вообще возможен дневник на общем языке? Если это истинное личное, и действительно для себя и с самим собой, то должны быть не обычные слова и буквы, а какие-то свои значки, тот естественный шифр, каким выражает себя душа, когда она сама с собою. <...> Те темные и глубокие подвалы и потаенные каморки, куда немедленно удаляешься, как только ушли гости (собеседники), в хороший литературный дневник не попадают. <...> ...что за охота пускать их – хотя бы и “благороднейших” – в свои потемки, где и сам блуждаешь с осторожностью и опаской?» [10, с. 95]; «...до сих пор так и не могу найти смысла в дневнике. <...> Так или иначе, рано или поздно, а кто-то будет читать эти строки, и я вовсе не хочу отдавать ему своей души – кто бы он ни был, друг, сын, жена. <...> Если для некоторых переживаний достаточно сочувствия, то душа требует большего: будь мною и не оскорбляй сочувствием. А кто это может дать? Это и есть: одному жить, одному и умирать» [Там же, с. 109].

Слово «чужой» становится конструктивно образующим как в жизни Л. Андреева, так и собственно в его романе. Оно встречается полтора десятка раз, составляя перекрестные цепочки, конструируя тотальное ощущение всего и вся: чужая игра, чужая религия, платье, шепоты, взоры, текст, человек, голос, стихия, Магнус, боль, порода, завод. Отметим, что слово «ничтожный» (и производные – уничтожать, самоуничтожение), многократно встречающееся в романе, также ведет свой относительно автономный мотивный ряд: это и король, и душа, и человек.

Выход из относительного бытия автор видит лишь один: в вечное молчание настоящей смерти. Сатана фактически находится в зеркально противоположной ситуации. Если в Л. Андрееве смешивается «тонкий слой чего-то еще живого, говорящего и изображающего» [Там же, с. 26] с чем-то потусторонним, то в живом Сатане ощущается *прослойка* первого хозяина тела.

Раздвоение сознания Сатаны, соединение в нем несоединимых в теории категорий посюстороннего – потустороннего, человеческого – дьявольского объясняется самим ходом повествования: *пустующее помещение* изначально довлеет подспудным присутствием духа первого хозяина, определяя развитие *сверхразума* в сторону все большего вочеловечивания. Слабнет метафизическое зрение, слух – все больше удаляется истина. Сатану покидает память. Непроницаемая стена «Беспамятства» воздвигается вокруг него – через нее не проникают голоса откровения. Он забывает огненные слова, которые извергла раскаленная преисподняя, он забывает «что-то», дорогу к своему миру, он, как в тумане, чужд двум мирам, «человеческое дело» – также не его. Его гнетёт двойная тяжесть: земли и неба. Сатана, вочеловечившись, тем не менее сохраняет в памяти подсознания первородные ощущения, недоступные логике, но чувствуемые интуитивно, – Вечность, беспределенность. Он вслушивается во что-то далекое, неотчетливое, пытаюсь поймать ускользающую истину: «Или оно только в моей памяти, то, что я хочу услышать? И тысячи километров – это тысячи лет моей жизни?» [3, с. 253] Отсутствие памяти – сугубо человеческое качество, по Л. Андрееву. Не обладает памятью и Мария, не может вспомнить Консуэла («Тот, кто получает пощечины», 1915). Топпи одновременно все помнит и все забыл – он стремится забыть, и скоро забудет, он забыл уже свое истинное происхождение. Экзистенциальные слова «забыл», «беспамятство» звучат на протяжении всего романа. Сам Андреев отмечает, что в самом начале войны «будто бы прозрел что-то помимо человека, а потом забыл...» [10, с. 264]. Это тень Бога.

В сознании Андреева всегда было место «двум правдам двух миров, друг другу противоположных и враждебных», пониманию, что в «человеческом сознании не бывает неизменной истины» [1, с. 254]. Драму раздвоения переживают, вслед за Л. Андреевым, многие его герои: помимо Сатаны, это и Керженцев, и Василий Фивейский, и Иуда, и «дедушка». Этот повторяющийся мотив можно охарактеризовать как традиционный элемент литературного повествования Л. Андреева, один из наиболее частотных и эстетически значимых, функционирующий преимущественно на внутреннем уровне, подобно мотивам лирических произведений.

Сатана практически сразу по *вочеловечиванию* реализует и чисто человеческую особенность, свойственную, прежде всего, самому автору, – *вчувствования*, которую можно было определить как *экзистенциальную тревогу, экзистенциальный ужас*. Она воплощается в традиционных метамотивах поэтики Л. Андреева, остро переживаемых: тотального одиночества («во всей вселенной Я один!» [3, с. 143]; сравним: «...живу я в темном одиночестве. <...> ...один, всегда один» [10, с. 28]; «одиночество полное и всемерное» [Там же, с. 51]); неотвратимости Рока (гибель в «назначенный час»); быстротечности и хрупкости «гнусной», несчастной жизни человека – «штучки», «хитрого и жадного червячка», олицетворяемой образами сердца-счетчика, бутылки из-под шампанского, наполненной кровью, куклы-марионетки; темноты в глобальном понимании – бессилия глаз, отражающих, но не способных увидеть глубинный смысл тщеты разума и «нищенской сумы»; отнесенности и *взаимоперетекаемости* правды и лжи. Ложь тотальна, с той разницей, что пророки лгут свободной ложью игры, а ложь человека – «заячья». Сатана, подобно Иисусу, готов оплакивать страдания человека, совместившего в себе слово Бога и действие «скота», его жизнь в вечном смятении и муке, безысходность печали его души, «отданной на вечное распятие» [3, с. 220]. Основная борьба человека – внутренняя, это извечное противостояние самому себе («я» как «единственный враг моего “я”» [10, с. 432]; «тысячи лет бесплодно борется с собою человек» [3, с. 220]), ибо Человек разделен в себе изначально, по своей сути будучи порождением Бога и Сатаны.

Характерны свидетельства сына Вадима о душевном состоянии отца, находившем выражение как в его дневнике, так и в его творчестве: Л. Андреев, сосредоточенный на своем «тяжелом и страшном душевном мире» [1, с. 39], ощущавший повсеместно «двойной смысл», «бессмысленность и ложность» [Там же, с. 41] всего, что он делал, «непреодолимое одиночество» [Там же, с. 40], жил «странной, очень нервной и вместе с тем ненастоящей жизнью» [Там же, с. 60], в которой чувствовался «элемент надрыва» [Там же, с. 41], и, доверяясь своему внутреннему чувству, «ожидал, что с ним должно произойти несчастье» [Там же, с. 98].

Сатана также экзистенциально одинок и потерян, завис в состоянии *между*, ищет себя, не зная, кто он – Каин или Авель. Изначально *вочеловечившийся* принял человеческое только наполовину. Сатана двойствен и находится в пограничной ситуации: войдя, но не погрузившись полностью в «человечность», одной рукою все еще держась за небо, он *сопределен* небу и земле. Его взгляд «оттуда», из-за границы, сильно отличается от его взгляда «отсюда». Идет постоянная параллель сравнения *здесь – там*. Фактически это состояние коррелирует с «башенным одиночеством» [10, с. 44] самого Л. Андреева, когда «повисаешь между землей, людьми и луною». Ветер воет, душа наполняется мутными «свистами, призраками угрожающими» (сравним с *сумасшедшим* Мартом). Сатана ищет пути самовыражения, выделения в себе человеческого. Таким образом, Л. Андреев исследует традиционно границы человеческого. И если в «Моих записках» поиск ориентирован на распознавание и выявление зверя в человеке, то в «Дневнике Сатаны» – дьявольского в человеке.

Образ Сатаны допускает трактовку в определенном смысле геометрическую. Он отражает-ся/противопоставляется своим двойникам. Двойник XX в. – проекция человека на трансцендентный мир, высвобождение в человеке иррационального запредельного начала. Помимо Магнуса и Топпи, а также Человека с ярко выраженным экзистенциальным вектором сознания, в котором можно видеть самого автора, это еще и прямое сопоставление с обретшим плоть, воплотившимся в человеке, *вочеловечившимся* Сыном

Божьим Иисусом Христом. На это указывают, прежде всего, и сам используемый автором христианский термин, и сопоставимость их страданий в земной жизни.

Андреев, как и Достоевский, полагал, что источник зла коренится в самом человеке. Но в его случае свобода, при отсутствии нравственных запретов и ориентиров, оборачивается разгулом разрушительной иррациональной стихии. Так, например, граница человека – зверя зыбка: слишком велика вероятность того, что «дедушка» обнаруживает свои изначальные инстинкты, осознает дьявола в себе, распознает Хаос и стремится их обуздать, что на теоретическом уровне выливается в математическую формулу «решетки».

Помимо латентных апокалиптических реминисценций, коими изобилует весь роман (это и пророчества Савонаролы, и образы великого вечного города и Вавилонской блудницы), мотив апокалипсиса – непосредственно – воплощен в сцене внезапного сумасшествия и крушения поезда: игра *иррационального* с использованием интертекстуальных образов темноты, стен, хохота; катастрофический полет всего и вся «к черту», подчеркнутые натурализм и абсурдность, сюрреалистическое сужение пространства, активная вовлеченность неодушевленной и мертвой материй. На уровне глобальном, текста, мотив выражен символическим предельным противостоянием относительно добрых, *дьяволочеловеческих* (в абсурдном воплощении Сатаны), и злых, *человеческодьявольских*, сил в борьбе за власть на земле, что трансформировалось в попадание Сатаны в «скверную историю», при отсутствии или полном попустительстве сил собственно божественных. Абсурд сцены усугубляется тем, что Сатана – единственный, кто обладает человеческим сердцем, в отличие от собственно людей.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что Л. Андреев не просто перекликается со своими героями (Сатаной и Магнусом) в понимании архитектуры личности; эти персонажи, при всей их видимой оппозиционности, – прямая проекция авторской философской экзистенциальной концепции, отраженной в этом своеобразном *интимно-художественном мистифицированном личном дневнике*: печаль души человека, одиноко борющегося с самим собой, нескончаема и страшна; ситуация – тупиковая, это зажатость между стеной и бездной в ожидании и предчувствии апокалипсиса, знакомое всякому типичное ощущение эпохи разлома, движения в никуда.

Список литературы

1. Андреев В. Л. Детство. М.: Советский писатель, 1963. 292 с.
2. Андреев Л. Н. Автобиографическая справка // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 1. С. 630-634.
3. Андреев Л. Н. Дневник Сатаны // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 6. С. 135-286.
4. Андреев Л. Н. Европа в опасности // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 6. С. 656-665.
5. Андреев Л. Н. Жизнь человека // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 3. С. 145-198.
6. Андреев Л. Н. Москва. Мелочи жизни // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 6. С. 420-427.
7. Андреев Л. Н. Мысль // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 1. С. 391-435.
8. Андреев Л. Н. Тот, кто получает пощечины // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 5. С. 558-630.
9. Андреев Л. Н. S.O.S. // Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб «Книговек», 2012. Т. 6. С. 638-651.
10. Андреев Л. Н. S.O.S. Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). М. – СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. 598 с.
11. Ницше Ф. Антихрист (Проклятие христианству) // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 631-691.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. 416 с.

L. ANDREEV'S "SATAN'S DIARY" AS INTIMATE AND LITERARY DIARIES FUSION

Tat'yana Konstantinovna Guseva, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Department of Foreign Languages
Moscow State Classical University named after M. A. Sholokhov
Tatianaguseva@yahoo.com

The author analyzes autobiographical component in Leonid Andreev's literary-philosophical complex by the example of comparing the novel "Satan's Diary" and the writer's late "Diary" against the background of the post-Nietzsche existential cultural-historical situation of the beginning of the XXth century – the loss of moral guidelines and divine perspective, demonstrates the existence of the interconnection "writer – hero" as actual counterparts correlation, and also shows that the novel presents Andreev's reflection on everlasting "accursed" questions.

Key words and phrases: Leonid Andreev; "Satan's Diary"; existentialism; absurdity; counterpart; hominization; Satan; diary.